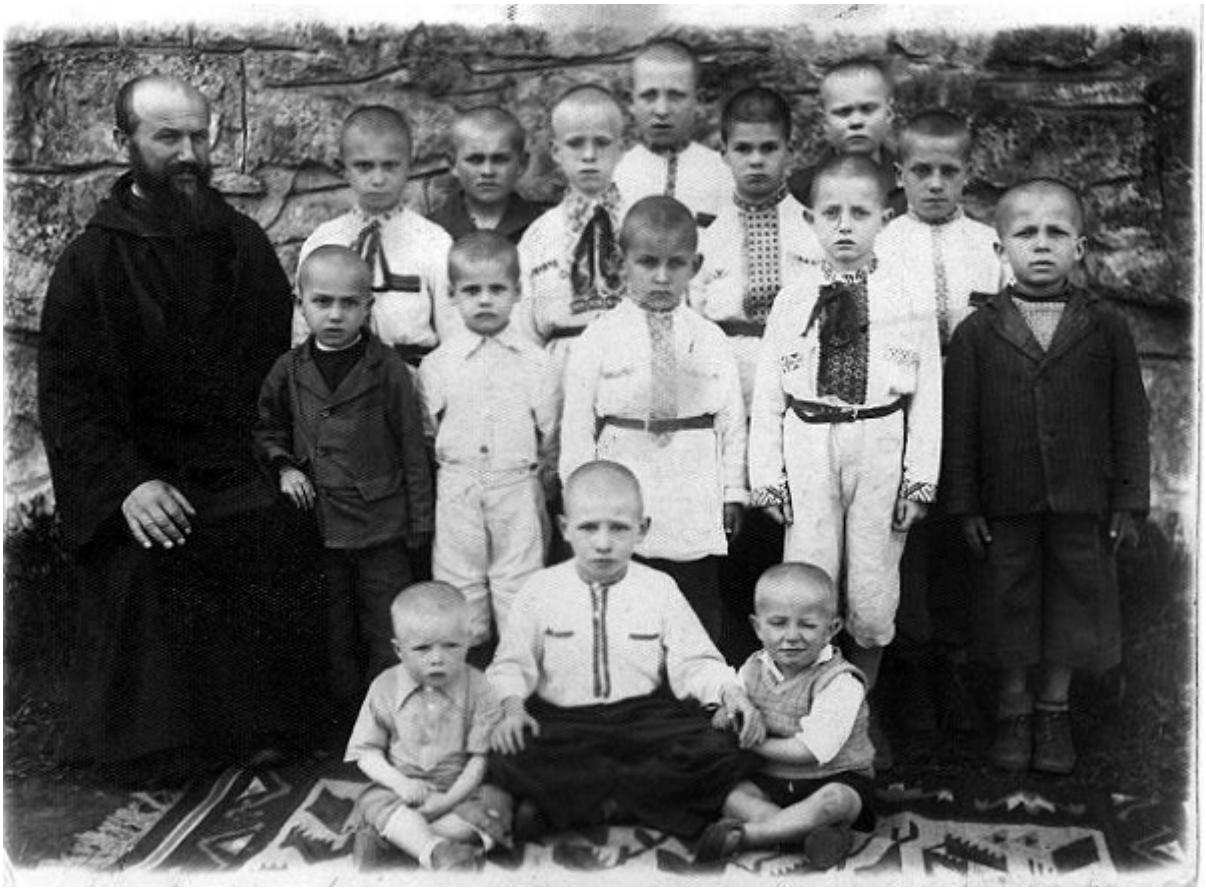
Против течения. Как украинские монахи-студиты евреев спасали

Иеромонах Даниил Тымчина с воспитанниками детского приюта, в центре в вышиванке — Адам Ротфельд

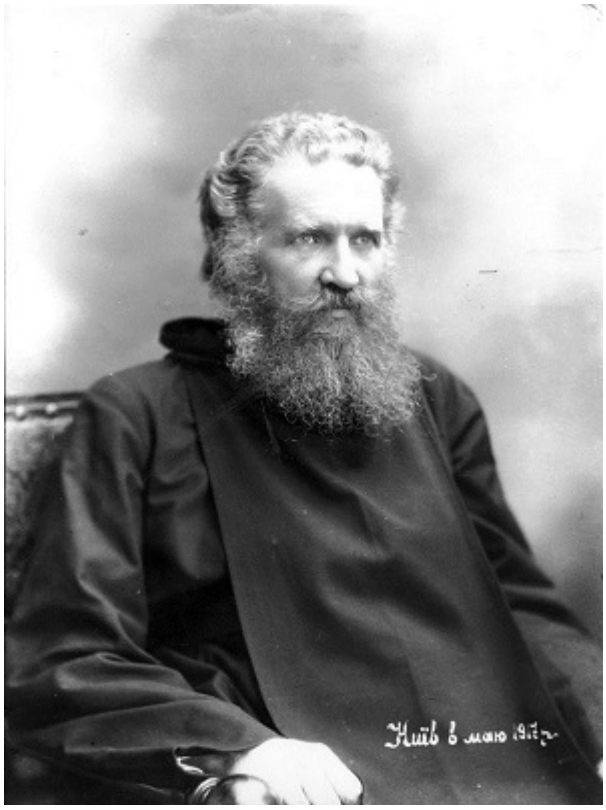
На что шли монахи митрополита Шептицкого ради спасения евреев, кто был не прочь заработать на беде ближнего, как работала система конспирации и сколько раз сеть была на грани провала, — об этом и многом другом в интервью с автором книги «Покликані», вышедшей в издательстве «Дух і Літера», кандидатом исторических наук Юрием Скирой.

— О деятельности митрополита Андрея Шептицкого давно и широко известно, но фигура его брата — Климентия — остается в тени. Что это был за человек, назначенный митрополитом «главным координатором» по спасению евреев?

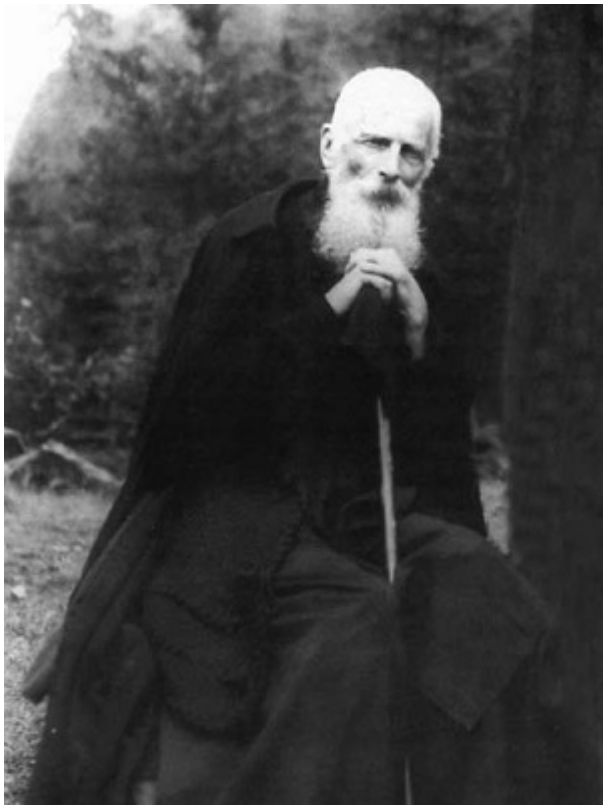
— Начнем с того, что монахом он стал в 42 года, а сан получил в 46. Его светская карьера складывалась блестяще — учеба в Мюнхене и Сорбонне, степень д-ра права знаменитого Ягеллонского университета, много лет Климентий был депутатом Австрийского парламента и Галицкого сейма, вел адвокатскую практику.

В 1911-м он уходит в монастырь и с тех пор ведет жизнь аскета. Его племянник Ян Казимир вспоминал, что дядя спал сидя, опираясь на перила кровати. Главной чертой характера Климентия была готовность жить для других. Поэтому неудивительно, что митрополит выбрал для столь опасной миссии самого близкого человека, которому бесконечно доверял.

Разумеется, Шептицким было на кого опереться. После советских репрессий 1939 — 1941 годов в монастырях остались самые стойкие монахи, глубоко преданные своему призванию. Первая советская оккупация Галичины научила их противостоянию тоталитарной системе. Эти люди, привыкшие к угрозе ареста, без колебаний откликнулись на призыв митрополита укрыть преследуемых евреев.

Митрополит Андрей Шептицкий

Архимандрит Климентий Шептицкий

— Главным убежищем стал, насколько я понимаю, собор святого Юра?

— Скорее, координационным центром и первым перевалочным пунктом для тех, кому подыскивали надежное укрытие. Роль убежища собор выполнял не впервые — в эпоху пацификации митрополит распорядился переоборудовать часть помещений под госпиталь для раненных польской полицией украинцев, которым государственные больницы не оказывали помощи. После прихода Советов здесь два месяца скрывались родственники Шептицких, да и во время немецкой оккупации во дворце митрополита давали приют многим, хотя евреи занимали особое место.

— Некоторым посчастливилось укрыться у соседей или знакомых, но это часто требовало огромных расходов…

— Бескорыстие монахов хорошо иллюстрирует история Марка Вайнтрауба, который несколько недель скрывался в подвалах собора, в то время как его семья оставалась в гетто. Не в силах вынести разлуку, мужчина принял тяжелое решение — вернуться к родным. Монахи были в раздумьях —

оказавшись в руках немцев, Вайнтрауб под пытками мог выдать убежище, что обрекло бы на смерть как спасенных, так и спасителей. И все же Климентий вынес вердикт: «Ты волен оставаться здесь, сколько потребуется, но, если хочешь, — можешь идти». Тем же вечером молодой священник вывел Марка без звезды Давида на одежде из дворца митрополита и провел в гетто. С этого момента начинается история мытарств семьи Вайнтрауб, иллюстрирующая, сколь опасно надеяться на людей, для которых спасение чужой жизни — не главная цель.

Мать Вайнтрауба нашла бедную женщину — уборщицу спортклуба «Сокол», некую Гординскую, которая приютила семью за двадцать пять тысяч злотых в месяц — примерно четверть килограмма золота! Первые три месяца все было замечательно, но деньги свели Гординскую с ума — она стала устраивать дома вечеринки, организовывать приемы в саду, заказывала на ужин половину теленка, когда в городе почти голодали. Пошли слухи, что дамочка прячет евреев, трижды Вайнтраубов задерживали, и каждый раз они откупались. Затем ими начали торговать — две учительницы за деньги согласились принять семью на месяц. Потом их вернули Гординской, и та пристроила евреев на чердаке дома общества «Сокол», где работала уборщицей и где размещалось отделение СС. Шантажисты догадывались о местонахождении Вайнтраубов, но боялись приближаться к этому зданию. Там семья прожила девятнадцать месяцев. Когда у них закончились деньги, Гординская привела адвоката, и Якуб Вайнтрауб переписал на нее два дома во Львове. В конечном итоге им удалось спастись, но речь идет об одном из богатейших семейств города, чьи материальные возможности были почти неограничены.

Митрополичьи палаты собора св. Юра

— Кроме Климентия Шептицкого, кто был ключевым звеном сети по спасению евреев?

— Секретари митрополита — о. Иван Котив, о. Владимир Грицай. Особым доверием митрополита пользовался Грицай, которому доверяли разруливать экстренные ситуации. Однажды во двор собора св. Юра ворвалась группа евреев, бежавших от облавы. Митрополит вызвал Грицая и попросил спрятать несчастных в своей квартире. Тот запер у себя беглецов на ключ, но вскоре с обыском нагрянуло гестапо. Шептицкий поручил о. Владимиру показывать «гостям» комнату за комнатой и когда немцы подошли к помещению секретаря, гестаповец спросил, кто здесь живет. Успокоенный, что эта келья самого «экскурсовода», нацист проследовал дальше. Нечего и говорить, что ждало Грицая в случае обнаружения евреев.

Личным заботам о. Владимира был поручен раввин Давид Кахане (впоследствии, главный раввин ВВС Израиля, — М.Г.), вспоминавший, что

Грицай «очень тепло относился к евреям и искренне им сочувствовал». Известно, что священник часто сам проявлял инициативу и спасал евреев на улицах Львова.

Другой секретарь — о. Иван Котов — работал с духовенством Львовской епархии, размещая еврейских детей в надежных домах и монастырях. Оба секретаря поддерживали контакты с жителями львовского гетто, изыскивая возможности спасения семей. После ликвидации УГКЦ в 1946 году оба были арестованы органами НКВД и приговорены к длительному заключению.

Необходимость строгой конспирации при спасении евреев приводила иногда к курьезам. В соборе св. Юра пряталась семья аптекаря Юзефа Подошина, который приятельствовал с монахами-студитами еще с довоенных времен. Для спасения семьи ее пришлось разделить — сына аптекаря, семилетнего Людвика, опекал молодой священник о. Онуфрий Иванюк, который отдал мальчика своим родственникам в родное село. Там с радостью приняли ребенка, считая его внебрачным сыном Онуфрия, принявшего обет безбрачия. Слухи дошли до священника села, тот пожаловался епископу, в результате Онуфрий предстал перед дисциплинарным судом и понес суровое наказание. Он даже не пытался защищаться, думая лишь о безопасности Людвика. Лишь после войны священник рассказал правду и был реабилитирован.

— Где еще, не считая палат самого митрополита, студиты прятали евреев?

— В монастыре святого священномученика Иосафата и Свято-Ивановской Лавре, где скрывали, в основном, еврейских детей. Здесь привыкал к монашеской жизни (подъем в 3.30 утра, пост три раза в неделю и т.д.) 16-летний сын реформистского раввина Курт Левин, не принимая при этом святого причастия. Обычно использовалась другая схема, когда подопечного полностью изолировали от внешнего мира, сводя к минимуму риск доноса. Но внешность Курта Левина позволяла его «легализовать», хотя юношу постоянно перемещали из одного студитского монастыря в другой, чтобы в нем не распознали еврея.

Курт Левин (второй справа) з братьями-студитами

Иеромонах Тит учил Левина украинскому и церковнославянскому языкам, обычаям и особенностям жизни в монастыре, в свободное время Курт много читал по-украински. Его приняли в монашеском кругу, но не все… Иеромонах Рафаил (Роман Хомин) догадался о происхождении Левина и потребовал изгнать его из монастыря, полагая, что уничтожение евреев — воля Божья, которой нельзя перечить. Курта быстро перевели в другое место подальше от ретивого Рафаила. Был ли Хомин антисемитом? Вероятно, но этот же человек спас двух еврейских детей из львовского гетто, выдал им метрики о крещении, устроил в приют и посещал подопечных.

Для обитателей монастыря Иосафата евреи были не в диковинку — до войны монахи закупали муку и промышленные товары в еврейских магазинах. Разумеется, они понимали, чем чревато пребывание среди них опасных «гостей». Когда в 1943-м в монастыре скрывались Курт Левин и Давид Кахане, настоятель — иеромонах Никанор — собрал студитов и попросил, чтобы в случае обнаружения евреев кто-то один взял на себя ответственность,

сохранив жизнь всем остальным. Примечательно, что все выразили готовность пожертвовать собой.

— Мы говорим о монахах, но нельзя сбрасывать со счетов случайных прохожих, любопытных соседей и т.д.?

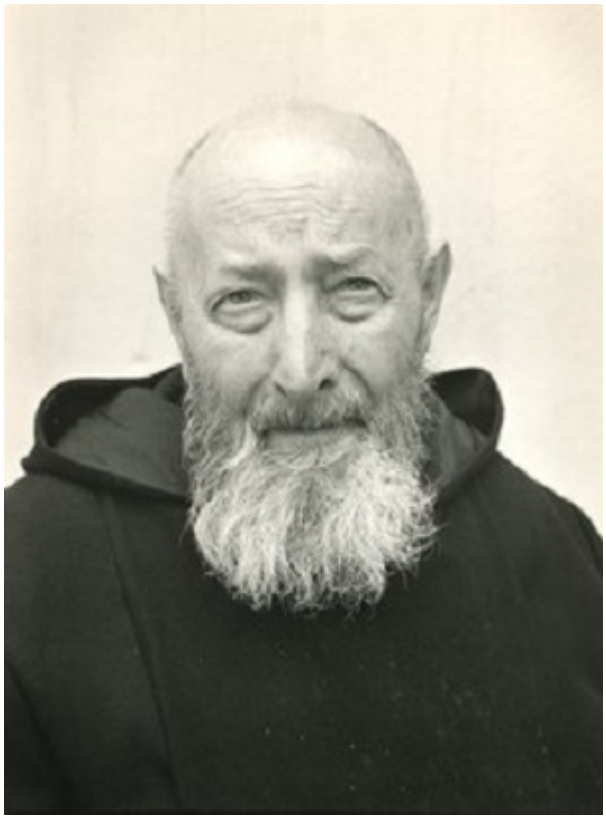
— За монастырем следили. Кахане вспоминает, что с его появлением в обители начались обыски. В разговоре с ним брат Севастьян предположил, что кто-то донес, поскольку один из обысков в середине сентября 1943 года был особенно тщательным, а в течение зимы таких обысков студиты пережили шесть.

Было страшно — как монахам, так и евреям. «Находясь преимущественно в монастыре, за исключением ежедневных походов в собор св. Юра, я потерял уверенность в себе, — вспоминал Курт Левин. — Новоприбывший иеромонах Герман, немного понаблюдав за мной, сказал в трапезной, что я стал выглядеть и вести себя, как еврей. И добавил, что кто-то может почувствовать мой страх, посоветовав от этого страха избавиться. В следующее воскресенье меня попросили сопровождать отца Германа в качестве дьяка. Мы начали еженедельно ходить через весь город в приходы на окраины Львова. Отец Герман отправлял литургию, я прислуживал ему, пел антифоны, прокимен и читал Апостола. Эти воскресные экскурсии прибавили мне храбрости, и мы стали с отцом Германом хорошими друзьями».

Кстати, предположение о слежке оправдалось — в деле №1697 от 1964 года, которое КГБ открыло против иеромонаха Германа (Будзинского), есть свидетельства, что люди знали о том, что в монастыре прячут евреев.

— Время было голодное, евреи жили на нелегальном положении, кто давал средства на их пропитание?

— Эта отдельная проблема, решение которой было возложено на отца Германа. Он должен был реализовывать немецкие продуктовые карточки, но этого было явно недостаточно, поэтому деньги на еду для евреев, скрывавшихся в монастыре св. Иосафата, передавал митрополит Андрей Шептицкий и бывший профессор Львовской богословской академии о. Степан Рудь.

Отец Герман Будзинский

Раввин Давид Кахане

Часть продуктов отец Герман покупал за собственные деньги, в том числе и для родственников Левина, скрывавшихся в приюте для сирот сестер-студиток на ул. Таборовой, 55. «Многие семьи, живущие в Израиле, именно Будзинскому обязаны своим спасением, — вспоминал Кахане. — Он помогал им выйти из гетто, находил убежища… передавал продовольствие жителям гетто».

Характерный штрих. Когда мать Моника из монастыря Пресвятой Троицы в селе Подмихайловцы, где прятали еврейских детей, однажды написала Шептицкому, что у малышей нет молока, митрополит поручил студитам отвезти в эту обитель свою лучшую корову. Один из монахов, взявшихся за это дело, носил бороду и был четыре раза остановлен украинской полицией как потенциальный еврей. Но, увидев сопроводительное письмо от Климентия Шептицкого, его каждый раз отпускали.

— Несколько слов о групповом спасении евреев в подвалах принадлежавшей студитам обувной фабрики «Солид»…

— Это была сложная операция, чем-то напоминающая историю

Emailwarenfabrik Оскара Шиндлера в Кракове. Центральную роль в ней сыграл иеромонах Иоанн (Петерс) — уроженец Германии и, что немаловажно, гражданин Рейха. В свое время он присоединился к УГКЦ, а летом 1941-го переехал во Львов. С этого момента и вплоть до ареста гестапо он жил двойной жизнью: для немецких властей он был предпринимателем, а в реальности — монахом Студийского устава. Курт Левин вспоминал, что, будучи монахом, Петерс для конспирации носил дорогой костюм, а не рясу.

Как гражданин Рейха отец Иоанн получил разрешение взять под контроль обувную фабрику «Солид», где работали и монахи-студиты, и простые миряне. Отдельную группу составляли евреи из созданного в конце 1941 года гетто. Это были высококвалифицированные специалисты — если обычные сапожники из одного куска кожи могли сделать семь пар сапог, умельцы из гетто ухитрялись вытачать восемь, а то и девять. Излишки студиты тайно выносили под плащами в монастырь святого Иосафата. «Кожа помогала решить много вопросов, — вспоминал Курт Левин. — Обрезки можно было обменять на еду, топливо и лекарства. Обувная фабрика помогала собору св. Юра и монастырям …кожа давала студитам возможность поддерживать голодавших братьев». Для евреев же работа на немецкой фабрике означала саму жизнь, будучи охранной грамотой во время нацистских «акций».

Все изменилось в августе 1942-го, когда немцы начали приготовления к ликвидации гетто. Оценив обстановку, студиты приняли решение спасти своих работников с семьями в подвалах *Deutsche* Schuhfabrik *Solid. Так спаслось 16 человек, семь из которых* привез на машине личный водитель митрополита Андрея Шептицкого Иван Горный. По его словам, отцу Петерсу удалось выдать нескольких евреев за работников митрополитской типографии «Студион», обеспечив их надежными документами.

В этом здании в годы войны размещалась фабрика Deutsche Schuhfabrik Solid

Трех человек спас украинский полицай Владимир Карчмарский, совмещавший службу в полиции с работой на обувной фабрике. Хорошо зная одну еврейскую семью с довоенных времен, он перевез главу семьи — Авраама в здание фабрики, а жену и дочку отправил в греко-католический монастырь, где все понимали, кто они на самом деле.

— Оказывали ли монахам помощь извне в спасении евреев?

— Довольно часто. Например, монахи Свято-Ивановской лавры держали одежду дома у семьи Канич, жившей рядом с монастырем, — на случай, если придется переодеться и незаметно выйти. Профессор, д-р медицинских наук Александр Кицера рассказывает, что его мать — Юлия — входила в группу женщин, готовивших еду для евреев. Каждая варила блюда на определенный день, потом встречалась с монахами в заранее оговоренном месте, а те относили еду на обувную фабрику «Солид». Юлию хорошо знал лично митрополит Шептицкий. Интересно, что опыт «кулинарной» помощи евреям у

нее семейный — мать женщины в начале века в Кишиневе спасала евреев от погромщиков, выпекая куличи, которые те ставили в окнах, — в такие дома толпа не ломилась.

— Удивительно, что даже арест Петерса гестапо осенью 1942 года не провалил сеть…

— Да, его арестовали за печать антигерманских листовок в типографии «Студион», которой он владел, и попутно конфисковали и опечатали обувную фабрику, тоже формально принадлежавшую Петерсу. Вернуть фабрику в собственность Церкви удалось за взятку в 30 000 марок, что спасло и 16 скрывавшихся там евреев, и множество студитов, обеспечивавших их безопасность. Все евреи, прятавшиеся в здании «Солида», пережили оккупацию. Учитывая, что речь шла о доме в считанных шагах от площади Рынок в самом центре города, который постоянно находился под присмотром нацистов, это сродни чуду.

— Спасение евреев в сельской местности с технической точки зрения было менее сложной задачей?

— И да, и нет. Характерный пример в этом смысле — деятельность студитов в селе Унев, где расположена Свято-Успенская лавра. С одной стороны, атмосфера в самом селе сложилась неблагоприятная — всегда хватало людей, готовых донести, что монахи прячут евреев. Да и приход Советов в 1939-м у многих сорвал крышу — национализация церковного имущества превратилась в открытый грабеж и приняла гротексные формы — одна крестьянка варила своей корове вареники из монастырского зерна, пшеницу, вывезенную из Лавры, намеренно рассыпали по дороге, помечая таким образом путь… Соседи начали стучать друг на друга, пытаясь отжать землю или имущество и продолжили заниматься этим и при немцах, рассчитывая на вознаграждение за поимку еврея. С другой стороны, после оккупации вермахтом Польши в Галичину потянулись колонны еврейских беженцев, и многих из них расселили в конфикованных помещениях Лавры в Уневе — иеромонах Гедеон вспоминает, что евреи жили прямо в монашеских кельях. Это не было чем-то исключительным, в Духовной семинарии Святого духа во Львове тоже жили еврейские беженцы, а когда город заняли немцы, по распоряжению ректора академии Йосипа Слипого, этих людей еще некоторое время прятали в подвалах здания.

Так или иначе, монахи жили и работали рядом с еврейскими семьями, которых поселили в Уневском монастыре. Брат Лаврентий (Кузик) вспоминал об одном случае, который растопил лед между невольными соседями. Однажды приехали чиновники из Львова, пронумеровали все книги в Лавре, включая личные книги игумена, и опломбировали в отдельном помещении. Ночью монахи сорвали пломбу и перепрятали самые дорогие для них издания. Через несколько дней в монастырь пожаловали гости из НКВД, и от ареста, по признанию Кузика, монахов спас еврей, сочинивший историю о сильной буре, выбившей окно в его комнате и сорвавшей пломбу с дверей импровизированной «библиотеки».

Монастырь в селе Унев

Тот же монах вспоминал, что именно евреи настояли, чтобы в монастырь привезли муку, да и первым человеком, проведавшим монахов после начала советской оккупации, был местный еврей. Он принес молоко к воротам Лавры, и люди увидели, что это не запрещено…

— Очень идиллическая картина вырисовывается…

— Возможно, но все это не избавило Унев от антиеврейского насилия в июле 1941-го. Несколько крестьян убили еврея-мельника с семьей и ограбили их дом. Реакция студитов была мгновенной. Настоятелем монастыря был тогда уже упомянутый иеромонах Герман (Будзинский), который пришел на сельский сход, попросил слова и призвал не поднимать руки на евреев.

Вскоре начались депортации еврейского населения из сельской местности в созданные в городах гетто. Немногим удалось скрыться в лесах, и студиты носили им еду. Для понимания ситуации: весной 1942-го в Уневе начался настоящий голод, жители охотились на воробьев. Позднее монастырь служил убежищем для евреев, которых студиты переправляли из Львова.

В соседнем Якторове ситуация была аналогичной — кто-то выслеживал евреев, выдавал их или убивал с целью ограбления, а кто-то прятал, рискуя жизнью. Например, семья Анны Баран в течение нескольких месяцев прятала

еврейскую девочку на чердаке своего дома, пока ее не забрал ее родственник. Во всех четырех лесничествах, созданных немцами на базе угодий львовской митрополии УГКЦ, укрывали евреев. В эти операции были вовлечены все лесники — один возил продукты, другой предупреждал евреев об опасности и т.д. В лесу скрывались девятнадцать евреев из села Лагодова. Дария Соколик вспоминает, что ее отец в Перемышлянах прятал некоторое время семью Пизем, а когда соседи стали что-то подозревать, перевел их в село Чемеринцы, где они присоединились к другим евреям, которым помогали лесники.

Лесник Владимир Стефарук предоставлял убежище в своем доме Кларе Кац — дочери корчмаря из Якторова Лейбы Каца. Несколько групп евреев жили в крыивках, о которых было известно местным пастухам и лесникам, — никого не выдали.

Учитель из Унева Николай Дюк в течение пятнадцати месяцев — с января 1943-го по июль 1944-го — прятал пятерых евреев на чердаке школьной пристройки. Зимой они сидели в подвале. В этом же доме жила семья Дюков и немецкий офицер, что, очевидно, спасло семью от доносов. Между учителем и офицером сложились дружеские отношения, немец, видимо, догадывался о еврейских «соседях», но молчал. Так был спасен будущий лауреат Нобелевской премии по химии Роалд Хоффман с родными.

Об идиллии, конечно, сложно говорить — после войны нескольких выживших и вернувшихся в Унев евреев убили местные. В одном случае мотивом был грабеж — женщина с тремя дочками хотели выкопать свои сбережения и стали жертвами бандитов, в другом дочерей зажиточного еврея Штерцера убил член УПА за то, что те поблагодарили советского офицера за освобождение.

— Как правило, священники не пытались склонить евреев к крещению, но в одном случае спасенная еврейская девушка даже стала монахиней Студийского устава.

— Речь об уроженке Перемышлян Фаине Ляхер — девушке из еврейской религиозной семьи, при этом чувствовавшей себя своей среди украинцев. В детстве она дружила с детьми отца Омельяна Ковча, впоследствии замученного нацистами в Майданеке за крещение евреев, а в годы учебы в

гимназии влюбилась в члена ОУН Владимира Заплатинского. С началом немецкой оккупации Заплатинский пытался отправить девушку на работу в Австрию по чужим документам, но Фаина не хотела оставлять семью. В апреле 1943-го, узнав о скорой ликвидации гетто, Владимир — заместитель директора биржи труда — стал действовать решительно. Выдав освобождение от принудительной отправки в Германию жителю Унева Павлу Чабану, Заплатинский попросил взамен спрятать у себя Фаину Ляхер. Тот сдержал слово, но Фаина порывалась вернуться к родителям, понимая, что они обречены. Чтобы этого не допустить, Чабан привез в убежище и родителей…

Башня монастыря в Уневе

Фаина Ляхер

Через полгода соседи стали догадываться, что Чабаны прячут евреев, и Фаину перевезли в женский монастырь Студийского устава в Уневе. В 1944-м она сама стала монахиней, и это не было спонтанным решением. Сестры предупредили девушку о нелегкой жизни в монастыре, о возможностях, которые откроются перед ней после войны, но та была непреклонна.

Когда в 1946-м Климентий Шептицкий приехал в Святопокровский монастырь, то задал Фаине (точнее, уже сестре Анне) один вопрос: молится ли она за свой еврейский народ. «Нет», — ответила монашка. «А должны всегда за него

молиться, это ваша кровная обязанность», — сказал архимандрит.

История Фаины Ляхер — единственный случай, когда в годы Холокоста еврейская девушка стала греко-католической монахиней. После «самоликвидации» УГКЦ и ее объединения с РПЦ сестра Анна разделила судьбу Катакомбной Церкви, была настоятельницей и скончалась в 2005 году. История эта, разумеется, не типична, как и история Курта Левина — единственного из спасенных евреев, маскировавшегося под монаха.

— Особняком стоит спасение студитами еврейских детей — как в митрополичьих палатах во Львове, так и в отдаленных монастырях.

— Да, это происходило по личному распоряжению митрополита — в детали операции был посвящен крайне немногочисленный круг лиц. В конце августа 1942 года личный водитель Шептицкого Иван Горный привез первых детей из Львова в монастырь в Уневе.

Остались интереснейшие свидетельства Адама Ротфельда, Леона Хамайдеса и Одеда Амаранта, прятавшихся в монастыре до конца оккупации. Леон был сыном раввина из Катовице, которого поначалу скрывали в соборе св. Юра. Там же прятали родившегося в Тель-Авиве Одеда Амаранта, который очень не вовремя приехал с мамой навестить родственников и застрял во Львове с началом войны. Одед, благодаря дедушке из местечка, неплохо говоривший по-украински, получил имя Дорко Боровецкого и был передан на попечение монахам. В течение нескольких месяцев Одед/Дорко жил в селе у местного священника, изучая молитвы и местные обычаи, пока не перестал отличаться от украинских мальчиков и был переведен в монастырский приют в Уневе.

Одед Амарант

Роалд Хоффман, первое фото после освобождения, 1944

Леону Хамайдесу было сложнее — украинского он не знал и на вопросы посторонних должен был отвечать, что дома его семья разговаривала по-польски. Вообще, язык был основной проблемой для еврейских детей, оказавшихся в окружении украинских сверстников. Курт Левин уверял своих соседей по приюту в Свято-Ивановской Лавре, что происходит из лемков, потом намекал на контакты с ОУН, из-за которых вынужден скрываться от немцев, и все равно детей не проведешь — они заподозрили в нем еврея, поэтому через три дня Курта перевели.

Брата Леона Хамайдеса — Герберта — в этом приюте тоже сразу идентифицировали как еврея — из-за плохого украинского и неумения правильно перекреститься. После этого ребенка сразу определили в келью брата Сильвестра, который учил его правильно креститься и молиться, давал основы катехизиса и ставил соответствующее произношение. В келье другого иеромонаха — Юрия (Макара) — прятали семилетнего еврейского мальчика по имени Мойше, который никак не хотел запомнить свое новое имя — Михайло,

упорно повторяя, что он Мойше.

Однажды врач-студит, осматривая обитателей приюта, обнаружил, что несколько его пациентов обрезаны. Тем же вечером еврейских детей перевели на одну ночь в Василианский монастырь и сразу, путая следы, в монастырь святого священномученика Иосафата во Львове, после чего разделили по разным убежищам. Любые перемещения тоже были полны опасностей. Сопровождение Леона Хамайдеса обеспечивал иеромонах Марк (Стек) — однажды в трамвае напротив них сел офицер СС и приветливо заговорил. Марк молил бога, чтобы Леон, в отличие от украинских детей, хорошо владевший немецким языком, не ответил. Ребенок сдержался, что сохранило жизнь обоим.

— Правда ли, что иногда еврейских мальчиков для конспирации приходилось переодевать в девочек, или это домыслы?

— При перевозке детей это бывало необходимо. Особенно часто приходилось переодевать своих «клиентов» иеромонаху Юрию, который, к несчастью, сам был похож на еврея — однажды его даже задержало гестапо, проверив, не обрезан ли он. Когда Юрий передал очередного переодетого ребенка в приют в Брюховичах, сестры решили искупать «девочку» и обнаружили то, что должны были обнаружить. С этой новостью они пришли к Юрию и услышали: «Сестры должны скромно прятать взгляд и не осматривать, что там». Они все поняли и приняли это как должное.

Так или иначе, система конспирации ни разу не дала сбой. Однажды немецкая делегация приехала в монастырь, где студиты представили им своих воспитанников, в том числе и Адама Ротфельда, семья которого погибла зимой 1942 года в Перемышлянах. Немцы гладили четырехлетнего Адама по головке и вручили ему подарок, как и другим детям.

Разумеется, от самих мальчиков тоже требовалась предельная концентрация и осторожность — им запретили ходить в туалет, когда рядом были другие дети, а в баню они шли парами либо с опекуном. Им строго-настрого наказали не говорить о своих семьях и традициях и запомнить новые имена. Так Леон Хамайдес стал Левко Хаминским, Одед Амарант — Дорко Боровецким, а Адам Ротфельд — Даниилом Червинским. Между собой студиты называли еврейских детей «Наши отцы».

Адам Даниэль Ротфельд

После того, как во Львов вошла Красная армия, митрополит Андрей Шептицкий передал еврейских детей из студитских монастырей Еврейскому комитету, который возглавил спасенный им рав Давид Кахане. По оценкам брата Лаврентия (Кузика), всего благодаря студитам спаслись около 200 детей, причем митрополит продолжал посылать еду и одежду Еврейскому комитету, пока все дети не выехали из Львова или не были усыновлены. Один

из них вернется много лет спустя в совсем ином качестве — 20 августа 2005 года у Свято-Успенской Лавры в Уневе остановился кортеж, в одном из автомобилей которого приехал министр иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд. Осенью 1942-го его привез сюда на телеге монах Студийского устава, а 63 года спустя министр открыл мемориальную доску в честь спасения еврейских детей братьями Шептицкими.

После войны история не раз сводила спасителей со спасенными — евреи свидетельствовали на процессах в пользу монахов, которых преследовали советские власти, присылали деньги, на которые люди, вернувшиеся из ссылки и не имевшие ничего, могли выжить. Последний студит, лично принимавший участие в спасении евреев — великосхимник Павел (Сыроед) — скончался в 2004 году. Земной путь Климентия Шептицкого оборвался гораздо раньше — в июне 1947-го он был арестован МГБ на вечерней молитве, а 1 мая 1951 года умер от сердечного приступа во Владимирском централе. Могилу его отыскать не удалось. В 1996 году архимандрит был удостоен звания Праведника народов мира, его брат — митрополит Андрей — ждет этой чести до сих пор…

Беседовал Михаил Гольд